

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А. С. Зданевич

**ИСТОКИ ПОЯВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ (XVII–XVIII вв.)**

Первые последователи ислама появились в Южной Африке во второй половине XVII в., после начала ввоза рабов на территорию Капской колонии из юго-восточных владений Нидерландов. Однако на Восточном (суахильском) побережье африканского континента ислам появился гораздо раньше (XIII–XV вв.) и сыграл важную роль в ходе хозяйственного, культурного и политического развития региона, ставшего торговым посредником между внутренней частью африканского материка и мусульманским Востоком. «Здесь возникла исламизированная культура (...) в которой восприятие основных положений ислама не уничтожило традиционных верований, а в результате взаимопроникновения придало и тем и другим своеобразную окраску»¹. Постепенно в ходе морской торговли, активное участие в которой принимали как суахильцы, так и арабские купцы, ислам распространился и на северо-западное побережье о. Мадагаскар, где возникали перевалочные базы, со временем превратившиеся в небольшие султанаты. Что касается Мадагаскара, необходимо отметить, что наложение исламских традиций на традиционные верования местного населения привело к образованию сложного «культурно-конфессионального комплекса». Итак, существовало два пути проникновения ислама на южную оконечность африканского континента: с островов Индонезийского архипелага и с о. Мадагаскар.

Голландская Ост-Индская компания (ГОИК) завозила на Кап индонезийцев, мальгашей, индийцев, китайцев. Малайцы (выходцы из Индонезии), или, как их стали называть позже, «капские малайцы», являлись весьма сплоченной общиной и селились компактно в малайском квартале Капштадта. Этот район выделялся изобилием узких извилистых улочек, наличием многочисленных лавок ремесленников, шумных рынков, что создавало особый колорит, отличавший малайский квартал от всех остальных, застроенных в типичном голландском стиле. Именно в рамках общины капских малайцев ислам укоренился на южной оконечности африканского материка.

Ислам, привнесенный малайцами в Южную Африку, уже нельзя было считать каноническим, так как непосредственно в самой Индонезии его внедрение шло достаточно долго и было сопряжено с определенными объективными сложностями, возникавшими в процессе межкультурных взаимодействий. А.И.Ионова пишет, что на островах индонезийского архипелага раньше всех ислам приняли ачехцы, населявшие Северную Суматру (XI–XIII вв.). Затем их примеру последовали манангкабау (Западная Суматра, конец XV–XVI вв.), а в конце XVII в. — буги и макасары (о. Сулавеси). Обращение в ислам жителей Явы происходило в XV–XVII вв. Оттуда мусульманство распространилось на народности, населяющие Южную Суматру (XVIII–XIX вв.), а также Южный Калимантан (XVI–XVII вв.)².

Большинство ученых сходятся во мнении, что одна из основных причин длительного и к тому же в некоторых случаях неглубокого проникновения мусульманской цивилизации в том, что эта новая религия проникала в основном не с мечом завоевателей, а, говоря словами голландского исследователя К. А. О. Ниувенхайса, «мирным, почти бесшумным образом», через купцов мореплавателей³. По-видимому, в Индонезии, впрочем, как и на восточно-африканском побережье, ислам проникал во вполне определенные социальные слои населения, ориентированного на морскую торговлю. Однако до сих пор среди ученых нет единого мнения относительно того, откуда в Индонезию пришел первый импульс: из арабского мира или из Индии. К индийскому варианту склоняются большинство исследователей. В поддержку арабского варианта выступают в основном некоторые индонезийские мусульманские авторы, в том числе Махмуд Юнус, а также малазийский ученый С. Н. Ал-Атас.

Тем не менее и те и другие отмечают воздействие на индонезийский ислам как арабской эмиграции, особенно из Хадрамаута, так и индийской, в первую очередь из Гуджарата. Учеными почти

единодушно поддерживается мнение о засорении мусульманской религии в Индонезии наслоениями из отдельных элементов доисламских верований и обычаев, как местных, так и зарубежных — индийского, персидского происхождения. Все это необходимо учитывать для понимания специфики ислама, привнесенного в Южную Африку, где индонезийскую традицию приходится изучать с оглядкой на уже устоявшуюся, доминировавшую в регионе на протяжении веков мощную исламскую культуру суахильского побережья.

В Южной Африке ислам был распространен среди первых рабов, ввезенных с Явы, Суматры и других индонезийских островов. Следует подчеркнуть, что его положение среди капских малайцев сильно укрепилось с прибытием в Южную Африку высланных из голландской Ост-Индии представителей мусульманской знати. В 1694 г. на Кап был сослан шейх Юсуф, выходец из Гоа, султан индонезийского о. Бантам, распространявший ислам на Яве. Считавшийся прямым потомком пророка Мухаммеда Юсуф и 50 прибывших с ним членов семьи и приближенных (в их числе было много образованных духовных лиц — мусульман) сыграли значительную роль в распространении и поддержании ислама среди рабов, эмигрантов и сырьевых из Юго-Восточной Азии. После смерти в 1699 г. Юсуф был причислен к лику святых, а в начале XVIII в., благодаря деятельности его последователей, ислам стал господствующей религией у капских малайцев. Неудивительно, что могила Юсуфа до настоящего времени остается основным местом паломничества малайской общины.

Голландские власти до определенного момента терпимо относились к распространению ислама среди капских малайцев, очевидно, не до конца осознавая его потенциальную консолидирующую роль. Капские малайцы превратились в привилегированный слой среди рабов в отличие от койкойнов, банту и мальгашей. Они были (или становились) в основном ремесленниками: чеканщиками, шорниками и т. п. Часть капских малайцев занималась рыболовством, как и у себя на родине, некоторые же предпочитали торговлю.

Необходимо подчеркнуть, что мусульманская община на юге Африки увеличивалась не только благодаря переселению мусульман из Индонезии на Кап, но и благодаря внутренним процессам, происходившим в колонии. Так, ислам охотно принимали рабы, в силу определенных причин отвергнутые христианством. Дело в том, что раб, принявший христианство, автоматически становился свободным, а освобождение рабов на тот момент не входило в планы колонистов, поэтому случаи принятия рабами христианства были единичными. Иначе обстояло дело с принятием ислама. С каждым годом число обращенных в ислам рабов росло. Религия играла для них роль своеобразной «социальной защиты». Приняв ислам, они ощущали себя членами общины. На земле Южной Африки ислам лег на благодатную почву, так как его принимали те, кто был оторван от дома, традиций. Неканонический, претерпевший целый ряд изменений индонезийско-мадагаскарский вариант ислама легко приживался среди рабов в колонии. Оторванность от «корней», по-видимому, являлась причиной того, что большинство рабов были готовы к переходу от доисламских верований к монотеизму. Примером «социальной защиты» можно назвать тот факт, что мусульманские имамы, в отличие от христианского духовенства, проводили для рабов брачные и похоронные церемонии, занимались среди них просветительской деятельностью.

В 1747 г. на Кап был сослан еще один известный мусульманский деятель — Саид Алохи Могу. Он был отправлен на о. Роббен отбывать десятилетний срок заключения. Саид — уроженец Йемена, волею судеб ставший проповедником учения Мухаммеда, попал в Индонезию и развил там просветительскую деятельность, в какой-то степени создававшую основу для антиколониального протеста. Он поднимал народ на бунт, за что и был сослан. После отбытия заключения он поселился в Капштадте, став со временем одним из выдающихся мусульманских просветителей в Южной Африке.

Другим известным деятелем и проповедником ислама в Южной Африке был Абдулла Кади Абу Салаам — «Принц Тимора». (Тимор — остров и одновременно султанат на Молукках.) Принц был сослан на Кап в 1767 г., где с течением времени приобрел титул Туана Гуру (от tuan — господин, guru — учитель). Он по памяти восстановил и записал текст Корана. Эта рукопись до сих пор хранится в мусульманской общине Кейптауна. В 1781 г. он закончил работу над книгой, посвященной мусульманскому законодательству, обычаям и мистическим обрядам. Книга написана на малайском языке в арабской графике, и если она когда-нибудь будет переведена, то прольет свет на состояние мусульманской общины в XVIII в.⁴

Во второй половине XVIII в. экономическое могущество и политическое влияние ГОИК было подорвано жесткой конкуренцией со стороны Англии и Франции. Войны за рубежом влияли на положение дел в Капской колонии. Одним из следствий этого стало почти полное прекращение ввоза на территорию колонии выходцев из Юго-Восточной Азии. Связи капских малайцев с исламскими общинами в Азии оказались прерванными. Отсутствие богословов и священнослужителей привело к тому, что исламское образование в Капской колонии пришло в упадок. В XVIII в. община располагала лишь небольшим количеством мусульманских религиозных книг, отпечатанных в Стамбуле (в арабской графике) на языке, который тогда еще назывался южно-африканским вариантом голландского языка.

Постепенно этот местный креолизированный голландский стал родным языком для капских малайцев. В дальнейшем он приобрел статус самостоятельного языка, который впоследствии получил название «африкаанс».

Образ жизни капских малайцев подвергался сильному европейскому влиянию, но они тем не менее старались сохранить хотя бы некоторые элементы своей самобытной культуры. Например, в быту неизменными оставались традиционная пища и повседневная одежда, музыкальные инструменты. Строго соблюдались обряды жизненного цикла: свадебные и похоронные церемонии и другие мероприятия. Среди сохранившихся элементов традиционной духовной культуры малайцев можно назвать фольклорные песнопения на малайском языке — «хоммалиджи», передававшиеся из поколения в поколение. Там, где непосредственно не ощущалась связь с религией, культура капских малайцев была близка африканерской. Семейные отношения капских малайцев строились на принципах патриархальности. Они жили довольно изолированно.

Сочетание малайского языка и ислама спланивало капских малайцев в пределах общины Капштадта. Со временем власти колонии стали осознавать ислам как угрозу, так как его распространение со всей очевидностью вело к потере контроля над рабами. Избавившись от некоторых мусульманских политических деятелей в Индонезии, сослав их на Кап, голландцы невольно, своими руками, сформировали на юге Африки очаг обособленной культуры, ядром которой были все те же малайцы. Ислам, распространяемый малайцами среди рабов и местного населения, постепенно стал играть структурообразующую роль в создании организованной, конфессионально выраженной, идеологически оформленной оппозиции голландцам на Капе. Приведем свидетельство одного из современников описываемых событий: «... Процесс распространения ислама среди рабов, принадлежащих хозяевам христианам, должен рассматриваться в качестве политической угрозы. Разница в цвете кожи влечет за собой социальную раздробленность, но все же еще очень смутную, неопределенную. Добавьте к этой разнице различия в религиозных взглядах, и вы получите четкую демаркационную линию, которая постепенно будет разделять рабов и их хозяев. Нетрудно предположить, что и без того враждебное отношение между рабом и хозяином, помноженное на религиозную враждебность, неизбежно восстановит рабов против хозяев. В итоге в один прекрасный день южно-африканский колонист осознает, что он окружен врагами (имеются в виду рабы), находясь при этом в собственном доме»⁵.

Как уже отмечалось в начале данной статьи, ислам проникал в Южную Африку двумя путями. Помимо индонезийского варианта, уже рассмотренного нами, существовал еще и мадагаскарский вариант проникновения ислама в Южную Африку. С 60-х годов XVII в. о. Мадагаскар был одним из источников рабочей силы для ГОИК. Однако еще задолго до появления европейцев в регионе арабские и суахильские купцы основывали на побережье Мадагаскара торговые колонии, которые в свою очередь становились опорными пунктами для развития торговых связей с отдаленными районами острова. Одновременно с развитием торговли происходило взаимодействие в культурной и конфессиональной сферах, так как торговые миссии включали в себя не только купцов-мусульман, но и профессиональных проповедников ислама.

Обращаясь к истории о. Мадагаскар, необходимо отметить, что процесс политогенеза и исламизации развивался там достаточно медленно. Лишь к середине II тысячелетия н. э. появились государственные образования (в частности, этнической группы сакалава), экономически зависящие от связей с купцами-мусульманами. Позднее (XIII–XVIII вв.) на западном побережье Мадагаскара постепенно создаются небольшие мусульманские государства (султанаты) Буйна, Менабе, Нанила, сохранившие экономические и религиозные связи с мусульманским миром⁶. Можно сказать, что на этом активный, наступательный, период исламизации Мадагаскара по направлению от северного, западного и юго-восточного побережий к центру постепенно заканчивается. Увеличивается роль факторов, противодействующих дальнейшему распространению ислама. Так, развитие основных этнических групп на о. Мадагаскар исторически происходило в особых культурно-географических условиях. Абсолютная изолированность от внешнего мира привела к тому, что к моменту появления на побережье мореходов-мусульман на острове сложился свой культурно-конфессиональный комплекс. Можно сказать, что к моменту столкновения двух цивилизаций имело место несоответствие социокультурных уровней эволюции внутренней и внешней систем. Островные этнические группы не были готовы к приятию монотеизма, в какой бы то ни было форме. Местные верования, традиции, обряды, общие для многих населявших остров народностей и уходящие корнями в глубокое прошлое, не утратили для них своей актуальности. Островитяне не могли отказаться от них в одночасье, да и не было на то объективных причин. Именно это стало препятствием на пути распространения на острове не только ислама, но и христианства.

Противодействие влиянию ислама усиливалось по мере формирования, укрепления и территориального расширения образовавшегося в центре Мадагаскара государства Имерина (XIV–XV вв.), государства народности мерина, самой многочисленной среди народностей Мадагаскара, населяющей Центральное плато. В XVIII–XIX вв. это государство присоединяло к себе новые территории на

правлении от центра к побережью и подчинило всю территорию острова, включая небольшие мусульманские государства. Одновременно усилилось и проникновение на остров европейцев: португальцев, англичан, французов. Европейцы активно устанавливали торговые контакты и миссионерскую деятельность среди народности мерина. В итоге малагасийцы, оказавшиеся перед неизбежностью расширять политико-экономические связи с Западной Европой, балансируя между интересами Англии и Франции в надежде сохранить политическую независимость, приняли христианство⁷.

Итак, основным источником рабочей силы в период правления ГОИК был о. Мадагаскар. С 1680 по 1733 г. оттуда на Кап было вывезено около 3500 человек. Именно в этот период остров играл роль «канала исламизации» Капской колонии, так как по крайней мере часть из тех, кто был перевезен отсюда на Мыс Доброй Надежды, составляли носители исламской традиции, но уже не индонезийской, а суахильской.

В заключение следует также отметить, что влияние ислама на культуру осуществлялось через систему правовых и морально-бытовых норм, жесткое следование которым характерно для ислама более чем для других религий. Степень влияния находилась в прямой зависимости от исторического уровня распространения ислама. В Южной Африке, где влияние ислама ограничивалось рамками общины, мусульманское право осуществляло роль правового регулятора отношений между мусульманами (прежде всего брачно-семейных и гражданско-правовых).

Колонизация Африки европейскими державами привела к сокращению сферы действия мусульманского права посредством насаждения европейских правовых систем, основанных на принципах Римского права. В то же время ряд колониальных законодательных актов, в интересах обеспечения эффективности управления, воспринял некоторые нормы и институты мусульманского права, например в сфере регулирования брачно-семейных отношений.

Summary

This article is dedicated to the problem of the appearance and spread of Islam in South Africa. Special attention was paid to the fact that Islam played (and it still continues to do so) an important role in the economic, political and cultural development of the African South-East. One materials enable us to trace the main routes of Islam into the region studied. The results of the complex interaction and the impact of the Islamic tradition upon the beliefs of the native South African population were analyzed in detail.

¹ Жуков А. А. Суахили: Язык и литература. СПб., 1997. С. 1.

² Иопова А. И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии. М., 1972. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Elphick R. The shaping of South African society, 1652–1840. Middletown, 1989. P. 192.

⁵ Ibid. P. 149.

⁶ Ислам в Восточной, Центральной и Южной Африке / Под ред. А. М. Васильева. М., 1991. С. 198.

⁷ Там же. С. 199.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2003 г.